

Подмосковная Измалково

Владельцы, родственники, друзья и гости
Измалкова и Лукина
в рисунках Марии Осоргиной
1918–1930

Москва 2006

ББК 85.15

УДК 76

П 44

*Издатели благодарят компании
ESPRO и КУЛОН
за помощь в издании книги*

Составители
Г. И. Вздорнов и А. К. Митюкова

5-85759-359-Х

© Г. И. Вздорнов, 2006

© А. К. Митюкова, 2006

© Издательство «Индрик», 2006

Содержание

От составителей	7
Измалково в рисунках Марии Осоргиной <i>Г. И. Вздорнов</i>	9
Измалково <i>А. В. Комаровская, М. Ф. Мансурова</i>	19
До Измалкова. Осоргины в Сергиевском <i>Г. Н. Трубецкой</i>	23
Семейный альбом <i>А. В. Комаровская</i>	29
Письма к Н. Г. Лермонтову <i>М. М. Осоргина</i>	37
17-я верста. Из «Записок уцелевшего» <i>С. М. Голицын</i>	51
Семнадцатая верста. Из книги «Эхо родной земли» <i>С. А. Шмеман</i>	59
Художник Мария Осоргина <i>И. В. Голицын</i>	67
О реставрации рисунков М. М. Осоргиной <i>Н. С. Ульянова</i>	69
Алфавитный список имен <i>Г. И. Вздорнов, А. К. Митюкова</i>	71

Каталог рисунков	
<i>Г. И. Вздорнов, А. К. Митюкова</i>	87
Рисунки Марии Осоргиной. Альбом	103
Указатель имен	
<i>Г. И. Вздорнов, А. К. Митюкова</i>	347
Литература об Измалкове	377

Измалково в рисунках Марии Осоргиной

Г. И. Вздорнов

Восемнадцать километров от Москвы на окраине дачного поселка Переделкино находится одна из примечательных подмосковных – усадьба Измалково. Точнее сказать – то, что от усадьбы осталось. А осталось на удивление многое: старинный двухэтажный дом с шестиколонным портиком и каменными львами у парадного подъезда, два одноэтажных домика служебного назначения и сохраняющий еще планировку XVIII века парк, примыкающий к запущенным и постепенно зарастающим прудам. Бесследно исчезла в 1930-х годах лишь каменная церковь 1757 года, в архитектуре которой прослеживались черты елизаветинского барокко.

В первоначальные времена Измалково принадлежало семье Петрово-Соловово, но в 1830 году имение купили Федор Васильевич и Софья Юрьевна Самарины. Во владении Самариных оно оставалось до 1923 года, когда их выселили из родового дома в соседнее село Лукино, и они навсегда утратили свое старинное «дворянское гнездо».

В первые годы революции усадьба Измалково избежала национализации, и, как это ни покажется странным, жила хотя и трудным, но все же полноценным бытом, причем с очевидной оглядкой на то, что большевики долго не протянут, «все образуется» и все снова заживут привычной жизнью. Иллю-

зии постепенно рассеялись, но семья все же сохраняла давно заведенный порядок дня и поддерживала интенсивные связи с родственниками и друзьями.

Благодаря сравнительной близости к Москве Измалково, действительно, имело все признаки старой дворянской подмосковной и неудивительно, что при первой же возможности – на каникулы, в отпуск, а то и просто на выходные дни – сюда ехали все, кто мог рассчитывать на радушный прием. Ехали прежде всего те, кто уже потерял такие же старинные дома, каким было Измалково.

Первая мировая война, Февральская, а затем и Октябрьская революции выбросили из родовых усадеб и другие родственные Самариным семьи. Первыми, еще до Октябрьской революции, приехала семья Комаровских: дочь Федора Дмитриевича Самарина Варвара Федоровна, вышедшая замуж за художника Владимира Алексеевича Комаровского, чья усадьба Ракша находилась в Моршанском уезде Тамбовской губернии. Комаровские прибыли с детьми – Алешей четырех лет и Тоней двух лет. Следом за ними, тоже в 1917 году, в Измалкове поселилась семья Истоминых: Петр Владимирович с женою Софьей Ивановной и детьми Сережей и Ксаной. Наконец в 1918 году сюда переехала многодетная семья Осоргиных, выселенная из своей усадьбы Сергиевское, находившейся в Алексинском

уезде Тульской губернии. Самарины, Комаровские, Истомины и Осоргины образовали своеобразную дворянскую общину с одним хозяйством и едиными интересами.

Сохранилось несколько фотографий и два рисунка из альбома, на которых представлены постоянные жители Измалкова: их около тридцати! Старшими были Михаил Михайлович и Елизавета Николаевна Осоргины: к моменту их переселения им уже давно исполнилось по пятьдесят с лишним лет. Они и взяли на себя все домашнее хозяйство и заботы о более молодых членах колонии, где постоянно возникали мелкие конфликты и недоразумения на почве личных интересов и при распределении ежедневных обязанностей. Как бы то ни было, обитатели Измалкова жили в целом дружно, и это обстоятельство определило их долгое пребывание в революционной России: сначала в Измалкове, а с 1923 года на соседней зимней даче в селе Лукино, где общими заботами был как бы воссоздан уют утраченной родовой усадьбы.

При старших Осоргиных жили четверо их взрослых детей: Ульяна, Георгий, Мария и Антонина. В 1922 году Ульяна вышла замуж за Сергея Дмитриевича Самарина, а в 1923 году Георгий женился на Александре Михайловне Голицыной. С 1924 по 1929 год у Сергея Дмитриевича и Ульяны родилось пятеро детей: Сергей (1924), Петр (1925), Николай (1926), Ульяна (1928) и Михаил (1929), а у Георгия и Александры Голицыной – двое: Марина (1924) и Михаил (1929). Мария и Антонина остались незамужними. Из старших Самариных в Измалкове проживали Сергей Дмитриевич, Мария Федоровна и Софья Федоровна, скончавшаяся в 1922 году. Вслед за Софьей Федоровной Самарины и Осоргины потеряли еще двоих членов семьи: Сергея Дмитриевича, умершего в 1929 году, и Георгия, расстрелянного на Соловках осенью того же 1929 года. Семью Комаровских возглавляли граф Владимир Алексеевич (художник) и Варвара Федоровна, урожденная Самарина, при которых росли двое детей: Алексей и Антонина. Истомины – Петр Владимирович и Софья Ивановна – воспитывали де-

тей Сергея и Ксению. Когда Измалково было национализировано, Комаровские и Истомины переселились в Сергиев Посад, где им удалось устроиться при формировавшемся музее Троице-Сергиевой лавры. В Лукине, таким образом, остались только Осоргины и Самарины с малолетними детьми и внуками. Но и при таких, стесненных обстоятельствах это была большая родственная семья из пятнадцати человек.

Чтобы лучше понять характер жителей Измалкова и Лукина, надо знать происхождение Самариных, Осоргиных, Комаровских и Истоминых. Все они принадлежали к титулованному российскому дворянскому сословию. До революции старшие члены семей занимали видные государственные посты. Александр Дмитриевич Самарин был предводителем московского дворянства, а с 1915 года – обер-прокурором Святейшего Синода и главным уполномоченным Российского Красного Креста, его брат Сергей Дмитриевич – предводителем дворянства Богородицкого уезда Московской губернии, владельцем старой самаринской усадьбы Васильевское на Волге. Михаил Михайлович Осоргин служил в разное время предводителем дворянства в Калуге, вице-губернатором в Харькове, гродненским и тульским губернатором, был женат на родной сестре князей Сергея Николаевича и Евгения Николаевича Трубецких – Елизавете Николаевне Трубецкой. Граф Владимир Алексеевич Комаровский в 1915–1917 годах занимал место заведующего Кавказским отделением Земского союза по организации лазаретов для раненых воинов. Петр Владимирович Истомин был товарищем (заместителем) обер-прокурора А. Д. Самарина, а затем (в 1915–1917 годах) – директором Канцелярии наместника Кавказа великого князя Николая Николаевича-младшего.

Не менее замечательными лицами были частые гости Измалкова и Лукина, добрую половину которых составляли представители старой московской аристократии и высшего чиновничества: Бобринские, Голицыны, Дмитриевы-Мамоновы, Джунковские, Мансуровы,

Мария Михайловна Осоргина.
Сергиевское на Оке.
Около 1908

Трубецкие, Толстые, Урусовы, Шереметевы, Щербатовы. Атмосфера интеллектуального быта и общения в Измалкове обогащалась также и тем, что сюда нередко наезжали отличные музыканты, певцы, художники, литераторы, философы, общественные деятели. И все они находили в Измалкове привлекательные черты уютного и радушного барского дома в деревне.

Особую обеспокоенность старых членов измалковского сообщества вызывало образование детей. Поблизости отсутствовала школа, и Осоргины взяли на себя обязанность преподавать детям основные гимназические предметы: Михаил Михайлович учил их географии, арифметике и математике, а также Закону Божьему, Мария Михайловна – рисованию, Елизавета Николаевна – музыке, Антонина Михайловна – русскому языку и литературе. Поскольку в окрестностях Измал-

кова и Лукина жили и другие дети, Осоргины преподавали и приходящим учениками: Леве и Мане Гарр, дочери лесничего Гале, Вите и Соне Матрос, дочери владельца дачи в Лукине Наташе Сарафановой, жительнице деревни Переделки Нюре Чуйковой – любимой ученице Антонины Михайловны Осоргиной. Родители приходящих учеников расплачивались с Осоргинами плодами натурального хозяйства – молоком, картофелем, мукой – и тем самым значительно облегчали заботу о хлебе насущном всем членам многочисленных семей в Измалкове и Лукине.

Дом в Измалкове был национализирован в 1923 году и отдан детскому санаторию, в ведении которого он существовал до самых последних лет. Первые дети санатория появились здесь еще в 1922 году, и владельцы Измалкова занимали тогда только первый этаж дома, а второй – санаторные дети. Но в 1923 году

Мария Михайловна Осоргина.
Сергиевское на Оке.
Около 1914

Осоргиным пришлось уже искать новое постоянное место жительства и оно, по счастью, нашлось в виде просторной зимней дачи, принадлежавшей семье одной из учениц Осоргиных – Наташи Сарафановой. По ближайшей к Лукину станции пригородной железной дороги оно называлось еще «17-я верста».

О пребывании Осоргиных-Самариных в Измалкове и Лукине мы бы не знали почти ничего, если бы двое из прежних детей не рассказали об этом в своих воспоминаниях: Сергей Михайлович Голицын – в «Записках уцелевшего» (1990), а Антонина Владимировна Комаровская – в воспоминаниях о своем отце Владимире Алексеевиче и в небольшой статье «Графика М. М. Осоргиной», приложенной к каталогу выставки в Сергиево-Посадском музее (2002). Но главным летописцем Измалкова и Лукина и портретистом их обитателей была Мария Михайловна Осоргина.

Желание рисовать проявилось у нее еще в детстве, и с годами она усовершенствовала свое мастерство до такой степени, что ее рисунками восхищались даже профессиональные живописцы и рисовальщики: Василий Дмитриевич Поленов, Станислав Юльевич Жуковский, Константин Федорович Юон, Владимир Алексеевич Комаровский, Владимир Михайлович Голицын. В течение тринадцати лет она регулярно рисовала карандашом, тушью и акварелью интерьеры и пейзажи Измалкова, а также портреты владельцев и многочисленных гостей, охотно посещавших Измалково. В 1920 году М. М. Осоргина даже выставляла свои работы на выставке картин, рисунков и скульптуры во Дворце искусств на Поварской улице в Москве.

Самые ранние ее рисунки датированы 1917 годом и выполнены еще в имении Сергиевское, а самые поздние – последними годами ее жизни во Франции (она умерла в 1977 году). Начав с

силуэтов черной тушью, она со временем перешла на карандаш, что давало ей гораздо большую свободу для характеристики модели. За четырнадцать лет жизни в Измалкове и Лукине, с 1918 по 1931 год, она исполнила не менее трехсот рисунков. Какая-то их часть тогда же разошлась по частным собраниям ее друзей, но значительнейшее число она удержала у себя. Альбома как такового в 1920-х годах, конечно, не было, но компактное хранение, вероятно, существовало. Иначе трудно было бы объяснить на обороте одного из рисунков незаконченную композицию «Поезда в Малоярославце». Этот подмосковный город на стоверстном расстоянии от столицы возник на рисунке в связи с недолгим заключением Марии Михайловны в Бутырской тюрьме в 1930 году, откуда она была выслана в Малоярославце.

Шел 1931 год, родственники в Париже хлопотали о переезде Осоргиных во Францию. Их усилия увенчались успехом, и весной 1931 года они уехали в эмиграцию, причем Мария Михайловна уезжала непосредственно из Малоярославца. За несколько лет до их отъезда брат Елизаветы Николаевны Григорий Николаевич вместе со своим тестем графом А. К. Хрептович-Бутеневым купили в предместье Парижа Кламаре большой дом, где сначала и поселились новоприбывшие Осоргины, Самарины и Голицыны: Михаил Михайлович, Елизавета Николаевна, и их дочери Ульяна Михайловна, Мария Михайловна и Антонина Михайловна, вдова Георгия Александра Михайловна и, наконец, дети: Марина, Миша, Сергей, Петр, Николай, Ульяна и еще один Михаил.

После первых же дней воссоединения Осоргиных с оказавшимися в эмиграции другими детьми (дочерью Софьей и сыновьями Михаилом и Сергеем) стало очевидно, что нужен просторный дом для размещения всех трех поколений семьи. По словам У.С. Самариной, Михаил Михайлович нашел, наконец, подходящую виллу в том же Кламаре, куда и состоялся последний (третий!) переезд Осоргиных. Вскоре после прибытия во Францию Михаил Михайлович осуществил свою давнюю мечту: митрополит Евлогий рукоположил его в священники.

В 1935 году скончалась Елизавета Николаевна, а в 1939-м – Михаил Михайлович. Судьба сестер сложилась по-разному: Антонина Михайловна преподавала в созданной ею русской школе язык и литературу и даже написала учебник русской литературы. В 1970 году она стала монахиней Покровского православного монастыря во Франции и умерла в 1986-м. Мария Михайловна самоотверженно опекала соотечественников-эмигрантов, не умевших приспособиться к жизни на чужбине, ухаживала за больными туберкулезом, в годы войны работала в госпитале, а в послевоенные годы получила место переводчика в Русском отделе Организации Объединенных наций и работала в Женеве и Нью-Йорке. Она умерла в 1977 году в Париже и завещала альбом со старыми рисунками семье Комаровских, с которыми они сообща жили в 1917–1923 годах в Измалкове: детям Владимира Алексеевича и Варвары Федоровны Комаровских Алексею и Антонине. Так, спустя сорок шесть лет, альбом М. М. Осоргиной вернулся в Россию.

В эмиграции Мария Михайловна рисовала значительно меньше, чем в России: молодость уходила, родственная среда наполнилась новым поколением, терявшим язык и понимание глубоких социальных перемен, в атмосфере которых появились осоргинские рисунки 1920-х годов. Альбом приобретал историческое значение, что, несомненно, сознавала и сама Мария Михайловна. Этими соображениями она руководствовалась в решении завещать альбом Комаровским, оставшимся жить в СССР.

Альбом М. М. Осоргиной прибыл в крайне поврежденном состоянии: десятки листов были помяты, запачканы, разорваны и даже разрезаны, двусторонние рисунки нередко были наклеены одной стороной на плотные листы старого французского альбома. Более того, почти все листы были перепутаны и хронологическая канва их исполнения никак не выражена. Лишь малая часть листов имела подпись художницы и дату рисунка, имена изображенных почти везде отсутствовали. К счастью, Антонина Владимировна Комаровская при ее отличной памяти сумела восстано-

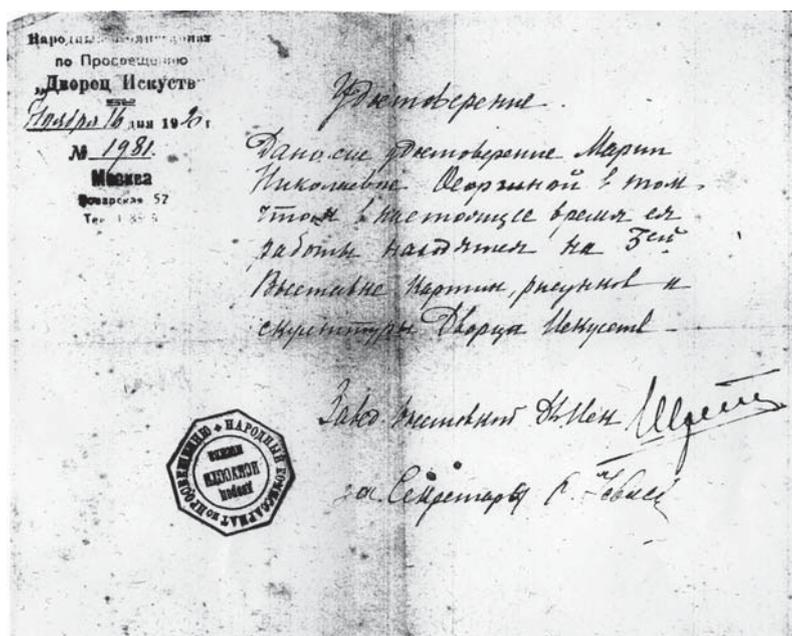
вить имена тех, кого рисовала М. М. Осоргина. В свою очередь Г. И. Вздорнов и А. К. Митюкова по разнообразным признакам бумаги и манеры исполнения установили более или менее точно даты недатированных рисунков. Но еще более сложную работу выполнили сотрудники Всероссийского научно-художественного реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря, где была проведена комплексная реставрация осоргинского альбома. В течение 1989–1991 годов альбом был не только реставрирован, но все его листы смонтированы в новые паспарту. В таком виде альбом насчитывает ныне около 300 рисунков на 199 листах. На рисунках портретировано 86 известных и 37 неизвестных лиц. Помимо рисунков, исполненных в Измалкове и Лукине, отдельные рисунки сделаны в доме Трубецких на Новинском бульваре в Москве, а также в парке Боде-Колычевых. Два рисунка исполнены на Кавказе. Преобладают одиночные и групповые портреты, но отдельные рисунки изображают пейзажи Измалкова, окрестности Измалкова и Лукина, а также интерьеры в Измалкове, Лукине и на Новинском бульваре.

Характернейшей чертой дворянского быта в XVIII и XIX веках была совсем особая культура альбомного рисунка и альбомного стихотворения. Чаще всего и тем и другим занимались не взрослые, а подростки и барышни, воплощавшие в этом незатейливом занятии свои стремления жить более широкими интересами, чем домашние уроки, игры и выезды в соседние помещичьи усадьбы (чаще всего не далее границ одного уезда). Поскольку состоятельные дворянские семьи проводили летнее время в родовых вотчинах по губерниям, а зиму – в столицах либо губернских городах, мир альбомного рисунка и стихотворения естественно впитывал в себя и культуру города. И чем шире были связи взрослой части семьи с другими дворянскими родами, с литературной и художественной средой, тем больше существовало возможностей получить в альбом рисунок известного художника, автограф поэта, нотную запись композитора. Иными словами, альбом путешествовал вместе со своей владелицей и был неотъемлемой частью ее быта.

Альбом Марии Михайловны Осоргиной отчасти отвечает такой характеристике дворянского альбома. Но только отчасти. Он заполнялся не посторонними людьми, а самой владелицей. Рано обнаружив художественное дарование, она старалась запечатлеть в рисунках родных и знакомых, с которыми общалась ее семья. Революция круто изменила жизнь Осоргиных, и получилось так, что круг их общения неожиданно стал более емким и более содержательным. Мария Михайловна чутко уловила изменившуюся обстановку и осознала свое искусство как уникальную возможность запечатлеть черты уходящей эпохи. Силуэты, которыми она увлекалась до 1918 года, стали уступать первенствующее место полноценным карандашным рисункам. Недаром ее портреты все чаще и чаще воспроизводятся ныне в мемуарных изданиях. Именно они и являются предметом нашего интереса.

Если давать оценку альбома М. М. Осоргиной, то мы должны держать в уме два существенных обстоятельства: при невозможности фотографирования Мария Михайловна старалась как можно более точно передать облик и характер портретируемого лица, а в тех случаях, когда она рисовала человека неоднократно, она умела раскрыть его внутренний мир в жизненных обстоятельствах и разных бытовых ситуациях. Таковы, например, многочисленные портреты Михаила Михайловича и Елизаветы Николаевны Осоргиных. Вот Михаил Михайлович дает урок математики приходящим ученикам Вите и Мане, вот он за расчетами доходов и расходов на содержание семьи, вот он за чтением, писанием мемуаров, за игрой в бридж, на нем огромные валенки и домашняя телогрейка. Елизавета Николаевна представлена чаще всего за шитьем, починкой одежды, пишущей письма, играющей на рояле. Музыка никогда не покидала Осоргиных, и классические произведения Бетховена, Гайдна или Чайковского звучали если не ежедневно, то все-таки часто. К Елизавете Николаевне присоединялся приезжавший в Измалково и Лукино доктор В. А. Барыкин, прекрасно игравший на скрипке, пели романсы и оперные арии Артемий Раевский, Георгий Осоргин, Валентина Раевская, Михаил Леснов и Валенти-

Удостоверение
об участии М. М. Осоргиной
в выставке картин, рисунков и скульптуры
в московском Дворце искусств.
16 ноября 1920

на Философова, которым аккомпанировали Елизавета Николаевна или Ульяна Михайловна. Вечерами семья собиралась за большим столом в гостиной, освещавшимся керосиновой лампой, взрослые играли в карты или слушали Михаила Михайловича, читавшего вслух очередную главу из своих воспоминаний. Лампа – единственный источник света, к ней как мотыльки тянулись старшие и дети, а в дальних углах гостиной – чернота ночи, мрак поздней осени или затяжной зимы.

Поразительной представляется интеллектуальная наполненность рисунков М. М. Осоргиной, причем многих из приезжавших в Измалково и на 17-ю версту ей по разным причинам не удавалось рисовать. Еще до приезда Осоргиных здесь бывали графиня Софья Владимировна Олсуфьева, о. Алексей Мечев, Евгений Николаевич и Григорий Николаевич Трубецкие, которых нет в альбоме. Но сколько других духовно богатых людей: бывший государственный деятель В. Ф. Джунковский, философ И. А. Ильин, художник В. А. Комаровский, дипломат П. Б. Мансуров, авторы семейных воспоминаний Е. В. Оболенская и О. Н. Трубецкая, переводчик-эллинист Ф. А. Петровский, последний обер-прокурор Святейшего Синода А. Д. Самарин, дочь Л. Н. Толстого Татьяна Львовна Сухотина-Толстая, его сын Сергей Львович и внук Сергей Сергеевич Толстые, вдова Евгения Николаеви-

ча Трубецкого Вера Александровна Щербатова и их дети Софья Евгеньевна и Сергей Евгеньевич, князь Ю. Д. Урусов и его дочь актриса Е. Ю. Урусова, композитор Н. П. Шереметев... Общение с ними обязывало М. М. Осоргину быть объективно осторожной в портретных характеристиках выбранной модели, и она на удивление справлялась с нелегкой для художника задачей. Они узнаваемы и для каждого человека она сумела найти подходящий ракурс и свою манеру исполнения: от суховато-точной фиксации (как, например, в портретах О. Н. Трубецкой или Е. В. Оболенской) до эффектно-красивой (как, например, в портретах сестер Е. Г. и И. Г. Габричевских). Чудесны все портреты детей, обычно трудных для рисовальщика или живописца: Николушки Астафьева, Сережи Истомина, Алеши и Тони Комаровских, Пети Самарина, Вари Трубецкой, Маруси Шереметевой, Маши Щербатовой.

Дворянские альбомы XIX и начала XX веков изобилуют карикатурами, шаржами, шуткой, придающими этой разновидности русского художественного наследия неприятный оттенок несерьезности. Чтобы убедиться в правильности нашего мнения, достаточно пересмотреть иллюстрации из единственной изданной на эту тему монографии А. В. Корниловой «Мир альбомного рисунка» (1990): рисунки и акварели в альбомах Т. И. Енгальчева (1781–1801), В. И. Апраксина (1810-е го-

Гр. Софья Владимировна Олсуфьева,
Мария Федоровна Мансурова,
о. Алексей Мечев и Софья Федоровна
Самарина. Измалково, 1918

ды), Ф. И. Брунова (1830-е годы), П. И. Челищева (1840-е годы). Ничего подобного нет в альбоме М. М. Осоргиной. Немногие с юмором исполненные сценки («Очередь на дачный поезд» 1920 года или «Жильцы и гости Измалкова» 1921 года) не портят общего впечатления: мы имеем редкий по ответственности и профессионализму многоплановый и многоликий портрет эпохи.

Все (или почти все), кого рисовала М. М. Осоргина, в разное время подвергались арестам и ссылкам. Семеро из них расстреляны (Барыкин,

Джунковский, Петр Истомин, Владимир Комаровский, Георгий Осоргин, Варя Трубецкая, Владимир Трубецкой), умерли в ссылках и лагерях девять человек (Владимир Голицын, Софья Голицына, Сергей Истомин, Софья Истомина, Петрово-Соловово, Александр Раевский, Александр Самарин, Ю. Д. Урусов и Е. Е. Урусова), административно высланы в 1922 году за границу четыре человека (Ильин, Вера, Софья и Сергей Трубецкие), в Бутырской тюрьме, на Соловках и в среднеазиатских лагерях побывали, но вернулись девять человек (Ксения Истомина-Трубецкая, Алексей Комаровский, Ан-

тонина Комаровская, Павел Мансуров, Мария Осоргина, Федор Петровский, Надя Раевская, Артемий Раевский, Евдокия Юрьевна Урусова). Уехали в эмиграцию двадцать пять человек (Николай Астафьев в 1923, Софья Бобринская-Уиттер около 1930, Елена и Ирина Габричевские в 1923, Александра Осоргина-Голицына и двое ее детей в 1931, Михаил Михайлович, Елизавета Николаевна, Антонина и Мария Осоргины, Ульяна Осоргина и пятеро ее детей в 1931, Елена Николаевна Осоргина-Муравьева-Виленская в 1920, Валентина Раевская в 1924, Артемий Раевский в 1931, Николай Раевский в 1924, Татьяна Львовна Сухотина-Толстая в 1925, Ольга Николаевна Трубецкая после 1923, Валентина Философова в 1924, Мария Шереметева в 1927). Лева и Маня Гарр и Витя и Соня Матрос уехали в Прибалтику вскоре после 1921 года. Умерли в Измалкове и Лукине, Дмитрове и Верее в 1919, 1922 и 1929 годах шесть человек (няня Ольга Ивановна Жидыгина, Варвара Федоровна Комаровская-Самарина, Сергей Мансуров, Осип Павлович Осипов, Сергей Дмитриевич и Софья Федоровна Самарины). Этот печальный список следовало бы пополнить за счет тех родственников названных людей, которые были тоже репрессированы, но которых либо нет в портретах М. М. Осоргиной, либо они остаются неопознанными в числе «неизвестных». Относительно благополучно устроились в Советском Союзе одиннадцать человек (Сергей Голицын, Дмитриева-Мамонова, Елизавета Валериановна Оболенская-Толстая, Федор Петровский, Елена Александровна и Екатерина Александровна Раевские, Елена Ивановна и Ольга Ивановна Раевские, Дмитрий Михайлович, Сергей Львович и Сергей Сергеевич Толстые. Недаром свои обширные воспоминания Сергей Михайлович Голицын назвал «Записки уцелевшего» (1990), а сын и брат расстрелянных Владимира Сергеевича и Вари Трубецких Андрей Владимирович написал воспоминания под красноречивым названием «Пути неисповедимые» (1997).

Альбом Марии Михайловны Осоргиной следовало бы определить как последний усадебный альбом в России. Но в действительности – он из двух последних. В те же двадцатые годы формировался еще один близкий тематически

альбом, автором которого был выдающийся, но рано погибший художник – Николай Николаевич Купреянов (1894–1933). Потомственный дворянин Костромской губернии, получивший хорошее художественное образование у Д. Н. Кардовского и А. П. Остроумовой-Лебедевой, он с 1919 по 1929 год подолгу жил в имени своих родителей и теток «Селище» на Волге (поблизости от Костромы). Здесь создан его самый известный цикл рисунков тушью и черной акварелью «Вечера в Селище». Дом Купреяновых был деревянный, одноэтажный, с колоннами, обставлен еще в XIX веке старинной мебелью красного дерева, массивными зеркалами в рамах, с картинами и портретами предков на стенах и с непременно для дворянского гнезда роялем. Глядя на портреты родных Н. Н. Купреянова, представленных при свете керосиновой лампы с чернотой ночи за окнами, в группах и поодиночке, детей за уроками, взрослых за чтением или самоваром в большой гостиной, за роялем, когда мать и тетка Н. Н. Купреянова исполняли в четыре руки сонаты Бетховена, живо припоминаешь аналогичные листы из альбома М. М. Осоргиной, исполненные в той же технике. Н. Н. Купреянов улавливал в этих своих работах таинственную и отчасти тревожную атмосферу, которую называл «рембрандтовской» и которая щемила сердце надвигающейся катастрофой. «От лампы свету столько, что можно еле-еле читать, и освещенная площадь – с чайное блюдечко, – писал Н. Н. Купреянов в декабре 1924-го. – Рембрандт. В этом смысле красиво». В августе 1926-го – другое возвращение к той же теме: «А по вечерам в комнатах – Рембрандт. Комнаты большие, высокие, лампы маленькие, под абажуром, резкий свет, черные тени». Селище удавалось отстаивать значительно дольше, чем Измалково, но и оно в начале тридцатых подверглось национализации, а потом и полному разграблению. При всей несоизмеримости талантов М. М. Осоргиной и Н. Н. Купреянова они оба были свидетелями конца дворянского сословия и дворянской культуры.

Публикация рисунков М. М. Осоргиной – лишь частичное возвращение ее художественного наследия к новой жизни. Она не только рисо-

вала, но и писала маслом и акварелью. Ее работы никем ранее не собирались, они рассеяны по квартирам близких и дальних родственников в Москве, Париже и Нью-Йорке. Учесть все ее сохранившиеся произведения нелегко, многое, несомненно, погибло при обысках, высылках и переездах, но то, что уцелело, характеризует Марию Осоргину как незаурядного мастера

портрета и пейзажа. Насколько нам известно, за сорок шесть лет своего пребывания в Европе она никогда не пыталась приспособить свой талант к западной художественной жизни. Россия была ее единственной привязанностью как художника и наша задача – вернуть ее рисунки и живопись в историю русского искусства XX столетия.

Измалково

А. В. Комаровская, М. Ф. Мансурова

Основные сведения об Измалкове извлечены составителями настоящего сборника из воспоминаний Марии Федоровны Мансуровой, урожденной Самариной (1893–1976), вышедшей в 1914 году замуж за Сергея Павловича Мансурова (1890–1929) – позже священника и автора известных «Очерков из истории Церкви». Разрозненные записи и устные рассказы М.Ф. Мансуровой были после ее смерти подготовлены к печати ее двоюродной сестрой Елизаветой Александровной Чернышевой, урожденной Самариной (1905–1985) и напечатаны в замечательной книжечке «Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных», изданной в 2001 году Свято-Тихоновским Богословским институтом. Существует, однако, еще одна рукопись, автор которой излагает историю только семьи Самариных. Не исключено, что этим автором могла быть тоже М. Ф. Мансурова либо А. В. Комаровская и что рукопись относится скорее всего к 1960-м и 1970-м годам, поскольку окрестности Измалкова описаны здесь в их состоянии на вторую половину XX столетия. Как сообщено в конце рукописи, «в описании Измалкова использованы черновые тетради воспоминаний М. Ф. Мансуровой, урожденной Самариной», что дает нам основание обозначить этот отрывок двумя фамилиями. Это единственное подробное описание дома и парка усадьбы Измалково, соответствующее времени жизни здесь Самариных, а потом и Осоргиных и дополняющее рисунки М. М. Осоргиной, исполненные ею в доме и в окрестностях Измалкова.

Упомянутые в начале отрывка Федор Васильевич Самарин (1784–1853) и его жена Софья Юрьевна, урожденная Нелединская-Мелецкая (1793–1879), были первыми Самариными в Измалкове, с которых началась история Измалкова как духовного центра. Здесь бывали многие представители московского дворянства, чьи религиозно-философские убеждения и политические симпатии питали умы современного им общества.

В 1829 году Федор Васильевич и Софья Юрьевна [Самарины] наняли на лето подмосковную усадьбу Измалково, в двадцати верстах от Москвы по Можайской дороге, принадлежавшую Петрово-Соловово. После проведенного там лета это имение им так понравилось, что они решили его купить, прода для этого бриллиантовое ожерелье Софьи Юрьевны.

К этому времени у них уже было семеро детей: в 1827 году родился сын Владимир (его крестным отцом был 8-летний Юрий Федорович), а в 1829 году – Николай.

Эта усадьба впоследствии больше других мест, где жили Федор Васильевич и Софья Юрьевна, хранила память о них и об их детях.

Измалково называлось «лесным имением», так как половина его была занята лесом. Усадебный дом в 1830 году был еще новым. Деревянный,

Измалково.
Вид дома с южной стороны.
Около 1910

двухэтажный, выкрашенный охрой, с белыми оконными фронтонами, он был просторен и удобен. Построен он был «покоем» – с выступами, обращенными на юг. Южная терраса, занимавшая пространство между двумя выступами, была без крыши и на лето затягивалась парусиной. На втором этаже над ней шел узкий балкон – галерея. С этой же южной стороны у подъезда и выхода из гостиной на террасу стояли и лежали чугунные и мраморные львы. Северная терраса, устланная каменными плитами, своими шестью колоннами подпирала верхний открытый балкон. В нижнем этаже дома была большая зала-библиотека, две гостиные, буфет, передняя, девичья и жилые комнаты, а наверху – два кабинета, жилые комнаты и кладовая.

Дом был обставлен в стиле 30 – 40-х годов XIX века. В библиотеке стоял бюст боярина Матвеева, прадеда Федора Васильевича по матери, работы Витали.

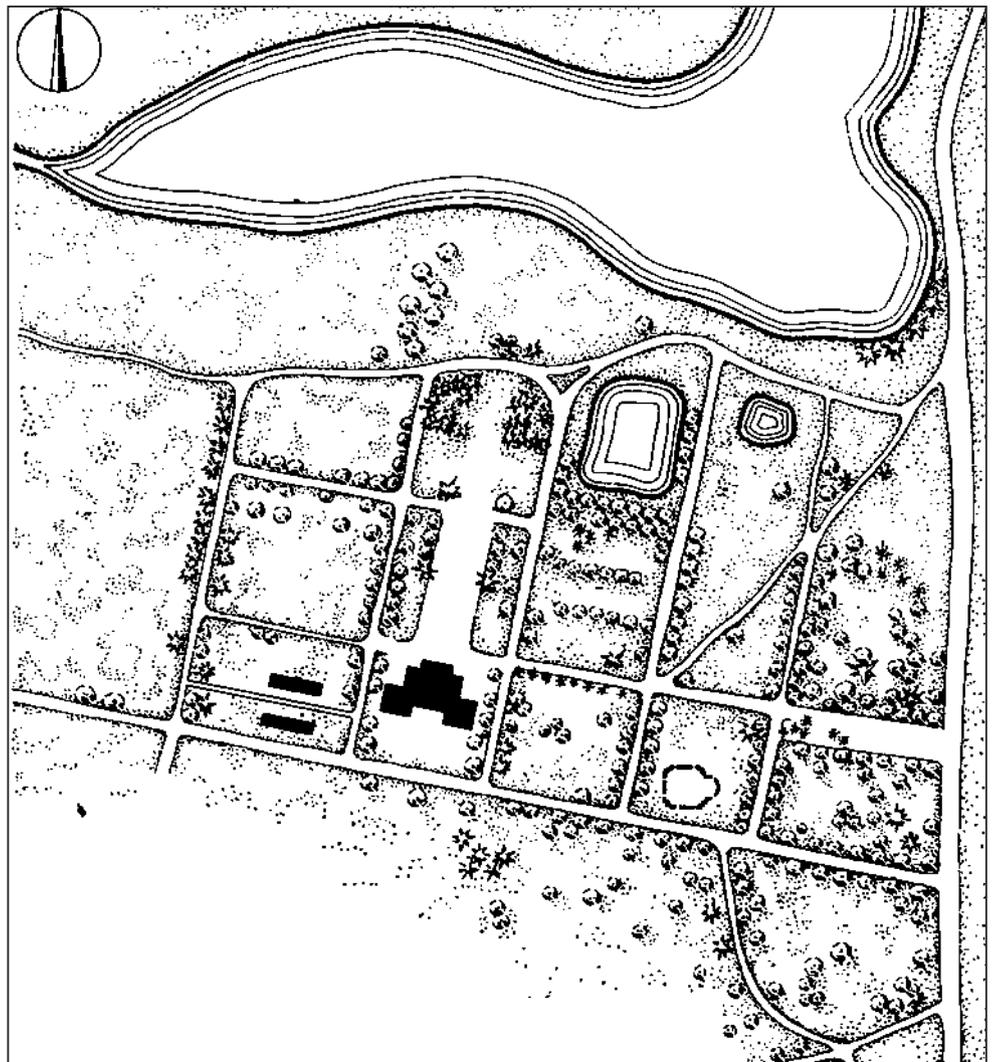
Вокруг был парк, разбитый в XVIII веке. С северной стороны дома шел открытый луговой спуск к большому проточному пруду с плотиной, на противоположном берегу которого виднелись две деревни: Измалково и Переделки. Справа и слева, подступая к спуску, деревья парка сближались внизу высо-

кими группами лиственниц. Вершины этих лиственниц, возвышающихся среди других деревьев, и теперь можно заметить с Минского шоссе, слева, если ехать от Москвы, за полем – между Баковкой и Одинцовым.

С юга, против дома, был правильный круг с несколькими клумбами среди травы, близко окруженный обступившими его высокими деревьями, между которыми также выделялись вершины лиственниц. От восточной стороны круга прямая липовая аллея приводила к небольшой каменной церкви Елизаветинского времени, освященной во имя святого Димитрия Ростовского. Церковь принадлежала к приходу села Лукино. Около нее было несколько могил со старинными надгробиями XVIII века.

В доме висела небольшая картина работы художника Бодри. Она изображала летний вечер: Измалковская церковь после всенощной, в ней еще горит огонек, из церкви на паперть выходит Софья Юрьевна в чепце и мантилье с девушкой-дочерью. У ступеней паперти стоят крестьянки в синих сарафанах и бархатных кацавейках. На первом плане, спиной к зрителю и навстречу к Софье Юрьевне – два человека в цилиндрах и сюртуках. Один из них, должно

Крестный ход
от деревни Переделки
в деревню Лукино
с молением о дожде. 1914

Измалково.
Общий план усадьбы
на первую половину XX века

быть, Федор Васильевич, другой, может быть, Пако. Косые лучи заходящего солнца золотят верхушки лип...

За церковью большая липовая роща занимала все пространство до восточной границы парка.

Круг перед домом охватывали две дорожки, соединявшиеся против дома в короткую и широкую аллею выезда, между двух каменных столбов. Под прямым углом к западу от этой аллеи, параллельно южной границе, в парке шла длинная дубовая аллея, посаженная при Федоре Васильевиче; она выходила в поле, на дорогу к Одинцову.

Во времена Федора Васильевича и Софьи Юрьевны липы в парке еще по-старинному подстригали, дорожки посыпали ярким песком, а на пруду (по рассказам старых жителей) водили лебедей.

С западной стороны от дома стоял старинный флигель с белыми колоннами, домик управляющего, кухня, каретный сарай, погреб и другие хозяйственные постройки. За ними был огород, маленький прудик для уток с двумя ветлами и яблоневый сад. На пруду – деревянная купальня и маленькая пристань с лодками.

К усадьбе также принадлежали три деревни с прилежавшими полями.

Впоследствии парк сильно разросся, стал задумчивым. Было в нем много тенистых мест с зарослями папоротника, ландышами, костяникой. И солнечные лужайки с цветущими в июне

незабудками. Недалеко от дома, на площадке среди кустов жимолости и сирени, стоял дуб, связанный памятью с Федором Васильевичем, со скамейкой вокруг него. Был овраг, заросший чащей кустарника. Оранжерея – в низине, на солнечной поляне. И в самом низу, на площадке у пруда – огромная старая липа, скованная обручами и также окруженная скамейкой. Среди деревьев было много кленов, осыпавших осенью дорожки своими золотыми листьями.

Как и в других старых садах, воздух наполняло многоголосое пение птиц, особенно звучное по утрам и в весеннее время...

Вдоль южной стороны парка шла проезжая дорога, к которой примыкал лес с большой просекой – прямо против ворот усадьбы. Парк как бы переходил в лес и растворялся в нем...

Во время последней войны в доме усадьбы Измалково был военный госпиталь. В настоящее время здесь детский пневмологический санаторий. Внешний облик дома сильно изменился, так же как и все вокруг. Церковь снесена в 1930-х годах. Самаринская библиотека, богатая и ценная по своему составу, была приобретена в самом начале 1920-х годов Пражским университетом. Липовые аллеи заросли, многие старые деревья исчезли. Птиц больше не слышно. Появились новые, современные сооружения (жилые дома в конце дубовой аллеи). Пруд засорен так, что в нем нельзя купаться. На поверхности его плавают и гниют упавшие деревья. На месте леса находится известный писательский поселок «Переделкино».

До Измалкова Осоргины в Сергиевском

Г. Н. Трубецкой

Я хочу для будущего закрепить в памяти милые образы тех, кто жили в Сергиевском. Глава семьи – муж моей сестры Михаил Михайлович – был еще не стар, ему было 58 лет, но со смерти своего отца он чувствовал себя патриархом. Он отпустил себе непомерно длинную бороду. Я дразнил его, что эта борода для него – эмблема. До 1905 года он служил, был губернатором. По характеру и убеждениям консерватор, он был прежде всего верующий и честный человек; с христианской точки зрения не признавал смертной казни ни в каком случае и после Манифеста 17 октября сказал, что то, что обещано, должно исполниться. Поэтому он вышел в отставку, как только Дурново, ставший министром внутренних дел, стал циркулярами отменять обещания Манифеста. С тех пор он поселился в деревне, где жил безвыездно. Неоднократно он делал попытки вернуться на службу, тосковал по привычному делу, но, может быть, на его же счастье, ему так и не удалось найти себе подходящего поста.

За эти годы, проведенные в деревне, тихо и незаметно он сделал, конечно, настоящего дела гораздо больше, чем мог бы совершить за то же время на какой-нибудь чиновничьей должности. Вся округа видела в нем и признавала безукоризненно чистого и хорошего человека. Он олицетворял [собой] тип идеального русского помещика-барина с русской православной душой. К нему шли

из далеких деревень крестьяне за советом по самым сложным вопросам своего быта, и его решения принимали к исполнению. Своих близких крестьян он знал почти каждого, знал всю подноготную семейной жизни, следил за воспитанием и судьбой поколений, выросших на его глазах. Когда большевики отменили, было, Закон Божий в школах, ученики старшего класса Сергиевского училища обратились к нему с просьбой давать им уроки Закона Божия. Конечно, это не могло его не порадовать. Он обязал их, однако, брать по-прежнему уроки у батюшки, чтобы его не обидеть, а сам вел с ними беседы два раза в неделю, и надо было видеть, с какими милыми внимательными лицами все эти мальчики окружали и слушали его. Неудивительно, что среди крестьян были люди, готовые пойти в огонь и в воду за Михаила Михайловича.

«Старик Мишан», как я его звал, был необыкновенно доверчив, и не раз я пользовался его слабостью, когда был моложе, врал ему про себя всякие небылицы, а он все принимал к сердцу, журил меня и изводился. Я был моложе его на 13 лет. Его легко было заставить спорить, он говорил парадоксы, и я любил, когда он горячился.

Его жена, моя сестра Елизавета Николаевна, была на восемь лет меня старше и в моем детстве научила меня грамоте. Она, как и моя мать, всю душу свою отдала детям. И отец и

мать главное старание свое положили на то, чтобы воспитать своих детей в духе Церкви, и это им удалось вполне. Все вышли верующими не на показ, а глубоко, все с раннего детства пропитались красотой и благолепием богослужения в храме, где начали петь, как только позволил то самый ранний возраст. Моя сестра была очень музыкальна, она восприняла в себя ту атмосферу музыки, в которой прошло ее детство в доме родителей, и в свою очередь передала это детям. Это восполнило недостатки культуры, которые были неизбежны при безвыездной жизни в деревне.

Два птенца в это время уже вылетели из родительского гнезда, и каждый вил себе свое гнездышко. Это была старшая дочь, Соня Лопухина, уехавшая с мужем в Тюмень от большевиков, хотя потом и туда проникли большевики и муж ее ни за что, ни про что отсидел два-три месяца в тюрьме. Второй сын Сережа... женился на своей двоюродной сестре Соне Гагариной, и они жили под Новочеркасском, увлеченные своим счастьем, которое никем и ничем не могло быть смущено.

Оставался старший сын Миша. Он был страстный хозяин, потом с увлечением начал служить в калужском земстве. Война заставила его все бросить, он занимал разные нестроевые должности; революция вновь возвратила его в деревню. Вернувшись в родной дом, в свое Сергиевское, он не мог примириться с тем, что застал, с засильем поднявшейся повсюду волны «демократизации». Сергиевское было для него поругано, особенно со времени большевических порядков, когда во флигеле их громадного дома поместился местный комитет, и все хозяйство было отобрано. Он чувствовал себя совершенно несчастным человеком, никуда не выходил из своей комнаты, не желая ни с кем встречаться. Это была простая, честная, женственно нежная натура, жившая жизнью сердца и чувства. На него жалко было смотреть, и сам он был счастлив в конце концов уехать в Москву, где нашел себе дело и заработок.

Совсем иначе воспринимал перемену обстановки его младший брат Георгий, совсем

юный и казавшийся еще неоперившимся. Мише должно было минуть летом 31 год, а Георгию – 25 лет. Он успел кончить университет, на войне был в Конногренадерском полку, зарекомендовал себя храбростью и находчивостью. Маленького роста, почти безусый, он казался мальчиком, и к нему сохранилось отношение в семье как к младшему. В противоположность Мише Георгий старался как можно легче и веселее относиться к перемене обстановки и делал все возможное, чтобы облегчить своей семье переживаемые невзгоды. Бедный, любящий Миша и хотел и не был в состоянии совладать с собою, чтобы сделать то же. Георгию это давалось просто и легко. Весной он потребовал себе выделения трудовой нормы. Свои крестьяне и комитетчики, которые совестились господ и любили Георгия, были рады отрезать ему 15 десятин лучшей земли, по его собственному выбору, оставили ему три лошади, две коровы, инвентарь, семена, словом – все, что фактически он в состоянии был использовать своим трудом.

Георгий проводил весь день в поле – от зари до зари. Ему помогали бывшие служащие и его сестры. Умилительно было видеть, как просто и радостно отдались они непривычной работе и в ней умели находить неизведанное раньше удовлетворение. Георгия хватало при этом и на регентство в семейном церковном хоре, и на поездки по вечерам на тягу. Он был и простым рабочим и кучером своей семьи. Славный, тихий мальчик.

С ним работали его три сестры. Старшая после Сони – Льяна. Ей было 26 лет. Это было прелестное существо; про нее нельзя было сказать, чтобы она была красива, но в ней была та тихая прелесть, которую испытываешь порою в незатейливой, но обаятельной чем-то милым и дорогим сердцу русской природе. Часто, глядя на нее, я думал, что она исполняет идеал женщины, начертанный апостолом Петром: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа,

Усадьба Сергиевское.
Осоргины и Трубецкие
за рыбной ловлей.
Начало XX века

что драгоценно пред Богом» (1 Петра, III, 3 и 4). Льяна могла быть и весела и оживлена. В ней порою зажигался огонек, но никогда я не видел ни раньше, ни теперь, чтобы она когда-нибудь тяготилась тем, что молодость ее проходит в деревне, что годы ее безвозвратно уходят. Наоборот, ее никогда нельзя было лишним днем удержать в Москве, когда она приезжала из Сергиевского, и никакой концерт, никакое развлечение не могли соблазнить ее, как только она начинала думать, что ее ждут в Сергиевском родители и могут хоть день беспокоиться из-за ее опоздания. Как-то раз она мне сказала, что мечтает кончить жизнь в монастыре, и я не удивлюсь, если так и случится.

Следующая за Льяной Мария была похожа на нее только кротким нравом. Высокого роста, стройная, с яркими цветами румянца и чудных золотых волос, она совсем не сознавала себя красивой. В ней были силы, которым еще негде было развернуться и осознать себя, было несомненное дарование к живописи, но не хватало простора и художественного образования. Она была прелестна своей свежестью и глубиной чистотой.

Младшей Тоне минуло 17 лет. Маленькое личико, не красивое, но миловидное, и огромные

глаза. Она была умненькая, живая, в ней все начинало бродить – и мысли, и чувства, и желания, но все ее считали еще маленькой.

Вся эта семья жила удивительно дружно, была спаяна крепкой любовью. Они так привыкли жить жизнью сердца и чувства, что, конечно, это выражалось иногда в повышенной чувствительности, над которой мы, приезжие, подтрунивали. Однако все, кто к ним приезжали, чувствовали себя в Сергиевском как в душевной санатории.

Свое Сергиевское Осоргины любили так, как можно любить только близкое, родное существо, и особенно чутко ценили прелести природы и местоположения, которые действительно были прекрасны. Они были способны, когда время позволяло, проводить целые часы на обрыве, за парком, откуда на далеком просторе виднелась Ока, которая вся змеилась на поворотах, синяя и уходя в даль.

«Старик Мишан» не любил «преломления» природы и обыкновенно торопил всех домой. Он признавал прогулки только в поле с хозяйственными целями и стыдился гулять без дела, как это делали мы, горожане, привыкшие относиться к деревне как к дачному препровождению времени. Вечером, весной,

Маша Осоргина.
Между 1903 и 1905.
Фотограф З. Я. Карасик

наслушавшись соловьев, мы возвращались домой, в столовую, где шипел самовар. После чая вся семья играла в дурачки с жигулями. Родители горячились не меньше детей во время игры. Расходились рано, по-деревенскому, чтобы рано встать.

Иногда приезжали соседи Мамоновы. Они жили в нескольких верстах от Сергиевского, над самой Окой, в месте еще более красивом, чем Сергиевское. Семья состояла из старушки Ольги Александровны, которая, несмотря на свои 85 лет, сохранила необыкновенную ясность и живость ума. Она была удивительно образована, перечитала массу книг на всех языках и всем живо интересовалась – и наукой, и искусством, и политикой. Её дети – Софья Эммануиловна и Александр Эммануилович – были уже немолоды,

каждому было за 50 лет. Они унаследовали от матери живость и культурность, но все-таки были, как говорится, «тех же щей, да пожиже влей». Оба были не без смешных для их возраста ужимок детской наивности и восхищались друг другом за недостатком посторонних ценителей их детскости.

В эту весну мало выпадало влаги, и все с нетерпением ждали дождя. И вот, в один из приездов в Сергиевское Софьи Эммануиловны, небо покрылось тучами. Она заторопилась домой, но надежда оказалась призрачной, небо снова сделалось чистым. Софья Эммануиловна топнула ножкой на Господа Бога и, запустив глазок к небу, как капризный ребенок, воскликнула: «Отчего Ты такой недобрый? Зачем не даешь дождя?» — и тотчас обернулась, чтобы посмотреть, какое впечат-

ление производит ее милая резвость. Но, увы, брата тут не было и никто не восторгнулся пятидесятилетним ребенком!

Семья Мамоновых была воспитана вне Церкви, и это было вечным предметом разговоров в Сергиевском и иногда и увещаний семьи Мамоновых, которые души не чаяли в Осоргиных, любили их, как близких родных, и признавали во многом авторитет родителей Осоргиных.

Жизнь шла обычным размеренным чередом в огромном доме, который построен был еще во время Пугачева генералом Каром. Последний так боялся разбойника, что построил дом, с виду похожий на крепость, и прорыл от него подземный ход до самой Оки.

Как во всех очень старых домах, в Сергиевском водились привидения, слышались порою странные стуки. Когда живы были старики Осоргины, родители Мишана, то в доме каждый месяц служили молебен и комнаты кропили святой водой, чтобы выгнать нечисть.

Каждое время года было связано с обычаями, которые свято соблюдались не только хозяевами, но и служащими и прислугой. Пока еще хозяйством владели господа, каждую весну, перед выгоном скота в поле, вся семья шла на скотный двор с вербами и выгоняла скотину. Перед началом пахоты закапывали просвиры и бутылочки со святой водой в землю. Все делалось с молитвой.

Когда комитеты отняли повсеместно хозяйство и та же участь постигла Сергиевское, несмотря на протест своих крестьян, отец и старший сын лишились главного рычага, осмысливавшего их пребывание в деревне. Я уже говорил о том, как это было тяжело сыну. Нелегко это было и отцу. Он привык вечно о чем-нибудь хлопотать. По-прежнему издали по дому доносилась его торопливая походка, причем всегда можно было определить, по какой комнате он шел, потому что в каждой комнате, на каждом полу был свой звук, знакомый привычному уху. Но эта ходьба происходила оттого, что не сиделось

на месте, а ходить было не для чего. Впрочем, увлеченный общей трудовой повинностью, Мишан брал порою метлу и начинал подметать длинную аллею в саду. Тогда дети устремлялись к метле, вырывали ее у него из рук; они не хотели никак допустить, чтобы отец работал. Я, как всегда, его поддразнивал, и моя сестра помогала мне в этом, а Мишан накидывался на нас и говорил, что «все вы, Трубецкие, – патриции».

Сестра моя от вечных волнений и страхов за детей, особенно во время войны, была очень слаба. В начале весны ее обычно катали в кресле в саду ее дочери, но потом она настолько окрепла, что сама свободно доходила до обрыва. Хотя она была еще не стара, но у нее были совершенно белые волосы, которые, как ореол, окружали ее голову. Все дети наперерыв заботились о том, как ей избежать лишнего утомления и заботы. Но забота в материнском сердце всегда находилась; в это время ее больше всего беспокоило удрученное состояние сына Миши, который не находил себе ни применения, ни покоя.

Ежедневно перед ужином мы садились за карточный стол и играли в бридж, причем и отец и сын горячились страшно и играли с большим азартом. В это время Мария сидела в углу и рисовала чей-нибудь портрет. Иногда моя сестра с Льяной играли в четыре руки Бетховена, Шумана или русских композиторов. Вся семья увлекалась Римским-Корсаковым.

Вести [из] внешнего мира проникали лишь через газеты или, иногда, через приезжих из Калуги. Жили со дня на день надеждою, что еще через две-три недели или через месяц большевики будут изгнаны. Мишан не упускал случая, чтобы укорять народ за то, что они изменили царю и оттуда пошла вся разруха. Крестьяне любили, когда Михаил Михайлович их журил, и охотно приходили к нему выкладывать все свои заботы. После воскресной обедни обычно собиралось Братство св. Иулиании (Осоргиной). Все члены семьи были братчиками и вместе с крестьянами обсуждали, кому и в каких размерах надо помочь. Так тихо, неторопливо шла жизнь.

Неужели я больше не увижу Сергиевского? Я не могу с этим помириться. Не могут, не должны исчезнуть такие уголки русской жизни, обвеянные старозаветным, родным и крепким духом. Для скольких простых людей Сергиевское было светлым маяком, где они находили и нравственную и материальную поддержку. А сколько их друзей и знакомых, потерпев от жизненной бури, находили покой под гостеприимным кровом этой мирной обители. Утрата таких очагов, хотя бы они были малочисленны, а может быть, именно потому, что их немного, была бы невознаградимой потерей для России, и только одно утешает, что не могут бесследно погибнуть добрые семена, которые долгие годы сеялись на благодатной почве: «память их из рода в род».

Раз уже пришлось к слову, расскажу о том, как пришлось Осоргиным расстаться с Сергиевским. Большевики давно прислали из Калуги циркуляр о выселении всех помещиков из их усадеб. Крестьяне не решались даже сообщить об этом Осоргиным. Они продолжали мирно

жить у себя. Большевики прислали летом отряд, чтобы взыскать с них контрибуцию. Так как Осоргин сказал, что он ни копейки не заплатит, то его арестовали и повели в волость. Тут крестьяне заволновались, потребовали, чтобы его освободили и, сторговавшись с комиссарами, которые требовали 20000 рублей, внесли 1000 рублей и торжественно вернули Осоргина в усадьбу. Но долго это благополучие не длилось. Калужские большевики осенью категорически потребовали выселения и дали три дня на размышление. Эти три дня Осоргины провели в посте и говении. Храм был полон молящихся. Когда они выехали на станцию, народ провожал их на всем пути. Крестьяне наняли им вагон, выгнали оттуда всех посторонних, поставили своих сторожей до самой Москвы. Осоргины переехали в подмосковное имение Самариных Измалково, где еще можно было жить осенью 1918 года.

Из книги: *Г. Н. Трубецкой. Годы смут и надежд. 1917–1919.* Монреаль, 1981, с. 61–68

Семейный альбом

А. В. Комаровская

В 1977 году по завещанию скончавшейся во Франции Марии Михайловны Осоргиной был возвращен в Россию альбом ее рисунков, исполненных в 1918–1931 годах в усадьбе Измалково близ Москвы. В основной своей части рисунки представляют собой портреты родных, друзей и знакомых, постоянно живших в Измалкове либо посещавших имение в первое десятилетие после революции. Альбом этот заслуживает того, чтобы рассказать о Марии Михайловне и о тех, кого она запечатлела в своих портретах.

Мария Михайловна Осоргина родилась 16 октября 1897 года в Калуге, где ее отец был тогда предводителем дворянства. Детство, отрочество и ранняя юность ее прошли в усадьбе отца Сергиевское на Оке, где дружная и большая семья Осоргиных жила почти безвыездно. Мария Михайловна была одной из младших. Дети росли под непосредственным влиянием родителей, от которых они восприняли крепкие традиции старинной русской семьи, близкой к Церкви. В числе ее предков была праведная Иулиания Лазаревская (муромская святая), прославившаяся постоянной помощью неимущим и страждущим.

Отец Марии Михайловны Михаил Михайлович был одно время губернатором в Гродно, а потом в Туле, откуда и вышел в отставку. Отойдя от служебной деятельности, он занимался

воспитанием семерых детей и домашним хозяйством, но продолжал издали участвовать в текущей русской жизни и близко к сердцу принимал все волновавшие Россию события. Мать, Елизавета Николаевна, была душой семьи. Внимание к окружающим соединялось в ней с сосредоточенной сдержанностью. Память о Елизавете Николаевне связана прежде всего с музыкой, свободно и глубоко звучавшей в ее исполнении в домашней обстановке. Выросшая в талантливой семье и в эпоху подъема музыкальной жизни в Москве, в центре которой был ее отец, князь Николай Петрович Трубецкой, она была очень одарена в этой области и передала свой талант детям.

Жизнь семьи проходила в близости к природе, в большом старинном доме XVIII века, стоявшем на берегу реки. Серьезная в своей основе, с внешней стороны она, быть может, в чем-то напоминала семью Ростовых, описанную Л. Н. Толстым в «Войне и мире». Такой во всяком случае она представлялась по многим рассказам стариков Осоргиных.

Мария Михайловна была 16-летней девочкой, когда началась первая мировая война. Братья ушли на фронт. Затем последовали годы потрясений и крутых перемен, разлучивших и разбросавших по всему свету многие семьи. Судьба не обошла и Осоргиных: старшие братья и одна сестра оказались оторванными от родных на целых шестнадцать лет.